

СМЕРТЬ СУЩЕГО

Маннфред – последний представитель печально известной династии Сквернодушия, происходящей из Мира-что-Был. Этот лорд-вампир был вынужден оставаться в тени старшего из рода фон Карштайнов, чье единоличное правление не оставляло Маннфреду возможностей возвыситься. Во время катаклизма, известного под именем Конца Времен, Маннфред убил того, кто, возможно, мог предотвратить катастрофу. Это был акт чистой злобы, принесший лишь вред, но он оказался созвучен с суровой идеей справедливости Нагаша. Маннфред был душой, способной на любые разрушения во имя достижения собственных целей – по-своему близкой духу Нагашу. Когда Великий Некромант обрел власть над Шайшем, он собрал то, что осталось от измученной души Маннфреда и сотворил ему новое тело. Однако в процессе он приложил все усилия к тому, чтобы фон Карштайн не переборол проклятие своей крови, ибо он не желал мира для тех, кто будет вести его войны. С тех пор Маннфред направил свой кипящий гнев на десятки завоеваний во имя Нагаша.

Удача улыбалась и изменяла Маннфреду фон Карштайну дюжины раз за столетия его существования. Ему не просто удалось выжить, он заслужил

место в высшем кругу Нагаша. Более того, он командовал целым легионом нежити. И именно его войска теперь маршировали в Гиран.

Величайший портал в Шайш в Землях Вечной Весны назывался Кровоточащими вратами. Он представлял собой покрытое мхом кольцо из магических камней, и в Эпоху Мифа поражал своим великолепием. Когда Хортикулус Слимукс захватил окружающие земли, портал покрылся слизистой грязью. Сам камень истекал кровью, протестуя против охватившего его порочного влияния Нургла, а растительность вокруг него высохла и почернела. В этом самом месте магия смерти была необычайно сильна; для наделенных колдовским взором она проявлялась в опадающих аметистовых кристаллах, что издавали звуки, похожие на вздохи умирающего змея.

Именно через этот портал Маннфред и его легионы ступили на землю топких болот Инвидии. Местные владения показались ему омерзительными, однако этого оказалось недостаточно, чтобы помешать ему следовать по ним. Местами они напоминали вампиру его родину с ее мрачными замками, окруженными грязными канавами и вересковыми пустошами, где от гноя земля хлупает под ногами. Сидя на широкой спине ужаса бездны по имени Ашигарот, Маннфред избежал позорной необходимости пробираться через болота, усеянные развалинами, хотя огромные москиты, алчущие его крови, доставляли ему неудобства. Поначалу он посмеивался всякий раз, когда хоботок пронзал его бледную кожу и очередное насекомое взрывалось от силы его крови, однако же, когда через некоторое время он весь покрылся кровавыми пятнами, Маннфреду стало не до смеха. Призвав могильный холод, чтобы отпугнуть насекомых, он стал выискивать запах человеческой крови. И вскоре Маннфред нашел его. К северу, вдоль Менуэтских рек, жили примитивные болотные племена, вверившие свои судьбы Нурглу. Они считали Кровоточащие врата дурным местом, и вскоре им пришлось убедиться в своей правоте. Маннфред атаковал их во главе закованных в доспехи умертвий, коих опасности и болезни заботили не больше, чем пугало заботит направление ветра.

На каждого воина-скелета из всех, что шагали по пояс в воде в грубом подобии военного порядка, приходилось еще двое, скрытых под поверхностью воды – с чудовищной неутомимостью они то ползли по темному дну, то продирались через густые водоросли. Мертвых не заботит комфорт, им нет нужды дышать – особенности, которые Маннфред использовал бесчисленное множество раз, в том числе против Легиона Раздутой Мухи в Гнилодушной Трясине – месте, которое мало чем отличалось от всей Инвидии.

Патруль мертвых, призванный выявить любую потенциальную угрозу, несколько раз подвергался атаке по пути на север. Громадные чумные жабы с пятнистой кожей рыгали и пузырились, хлеща проходящих мимо скелетов толстыми мускулистыми языками; каждая была уничтожена воинами Маннфреда до того, как ими был нанесен какой-либо существенный урон. Бормочущие бармаглоты вырывались из болот, их чудовищного вида было достаточно, чтобы свести с ума смертного, однако их аура не действовала на бронированных мертвых, переносивших удары когтями и клыками. Этих тварей Маннфред истреблял лично, отсекая их уродливые головы острым лезвием своего меча Гайствора.

Болотные племена, устроившие засаду и атаковавшие нежить зазубренными копьями и отравленными дротиками, вскоре были повержены, поскольку Маннфред встретил их под покровом глубокой ночи, в которой враг был фактически лишен зрения. Многие варвары были парализованы ужасом; связанные скелетами, они были брошены к подножью Кровоточащих врат. Там их всех принесли в жертву Нагашу; их

крики и мольбы о пощаде ничего не значили для усопших, что подводили их под клинок палача.

Подчинив их исторгнутые из тел души себе, Маннфред взялся за работу, порученную ему Нагашем: сплести могущественные некромантические чары на Кровоточащих вратах. По природе своей это заклинание было схоже с Бременем Лет – проклятьем, которое за несколько мучительных секунд могло сотворить из воина старика, затем – иссохшего скелета, а под конец – груду праха. По завершению заклятье должно было разрушить каменную кладку и обратить конструкцию, выдержавшую испытание временем, в пыль, обрушив магическую структуру, обрамляющую портал. С концентрированной энергией Шайша столь сведущий колдун как Маннфред мог бы с невероятной скоростью уничтожить Врата Владений и сотворить на их месте зияющую черную пустоту – малую толику Шайшского Надира – связав ее со своим метафизическим близнецом и направив его ужасающий голод.

Маннфред нахмурился. Приманка была на месте. Однако без серьезного сопротивления его истинный план не мог свершиться.

Мечь Садовника

К юго-востоку от Кровоточащих врат расположился регион, известный как Вотчина Хортикулуса. Это был гигантский участок суши, десятки лиг в поперечнике, окруженный тремя огромными озерами нечистот – Язвами Реальности. Регион примыкал к Токсичным водам на юге и Гастробоминову Стоку на востоке и был полностью захвачен приспешниками Первого Глашатая Нургла, Хортикулуса Слимукса. Земля, принадлежащая скорее Богу Чумы, нежели Гирану, была гордостью демонического Глашатая и частью сада его хозяина, ставшего реальностью в этом владении. Хортикулусу не удалось захватить всю Инвидию – Кровоточащие врата пришлось обойти стороной, ибо на земле вокруг них ничего не росло, а исходящая от них смертоносная аура влияла даже на него самого. Оставшиеся территории, однако, находились под полным его контролем. Когда же баланс жизни и смерти, укоренившийся в его чертогах, стал меняться, Глашатай сразу же почувствовал это. Из-за сотворенных Маннфредом заклятий, усиливших энергию Шайша вблизи врат, аура смерти стала расползаться дальше. Бесценные сады Хортикулуса начали чернеть и увядать – оскорбление, которое он не мог вынести, ибо однажды, во Времена Невзгод, прокатившиеся по Владениям Смертных не так давно, Хортикулус и его соперник Ротигус уже сталкивались с пагубой Шайша.

Маннфред фон Карштайн не был глупцом. Он прекрасно понимал, что против него выйдут огромные орды демонов Нургла, чтобы помешать его вторжению. Он также понимал, что они крайне медлительны и, как и у армий всех Богов Хаоса, у них есть свои одержимости и слабые места. Поручив командование троим вампирам Сквернодушия, которых в далекой Карстинии он обратился лично, Маннфред отправил на штурм Инвидии три армии, чтобы нанести силам Нургла упреждающий удар. Им предстояло атаковать Язвы Реальности одновременно с трех сторон – все-таки то было самое сердце владений Хортикулуса. Опыт изнурительных столкновений с Легионом Раздутой Мухи даровал Маннфреду знание о том, что цифра «три» была приятна Нурглу: икона Отца Чумы состояла из трех долей, подобно расположению трех озер Язв Реальности, из которых выступали демонические воинства. С трех самых очевидных направлений армии Маннфреда перешли в наступление, однако основные свои силы он

сосредоточил в четвертой армии, которая скорее заняла оборону, нежели готовилась к вторжению.

Первая армия Маннфреда состояла из сотен Мертвых Ходоков, над которыми парила костяная конструкция, известная как Маяк Смерти. Армия эта самостоятельно пополняла свою численность; сияющая некроромантической энергией реликвия исторгала из-под воды мертвые тела, присоединявшиеся к воинству. Для перехвата этой бредущей орды Слимукс, подобно фермеру, спустившему псов на безобидных овец, направил не Чумоносцев, но бесформенных и булькающих Зверей Нургла. Массивные твари не столько сражались с врагом, сколько давили их, игнорируя удары ржавых лезвий и сминая тела мертвецов в своем болезненном экстазе. К исходу дня войско нежити было уничтожено, даже несмотря на то, что Маяк Смерти воскрешал мертвецов снова и снова. Однако с задачей по отвлечению демонических сил воинство справилось.

Вторую армию перехватил не Слимукс, а его старый союзник и соперник Ротигус. Тучный демон бродил по Илистым угодьям во время вторжения Маннфреда, и, почувствовав мощное магическое присутствие на севере, у Кровотокающих врат, решил направиться к ним. Неторопливое продвижение демона, пробиравшегося через болота в окружении Чумоносцев и бормочущих Нургликов было остановлено могильным воинством, поджидавшим демонов среди холмистых земель Вотчины Хортикулуса. Глазницы тысяч скелетов вспыхнули колдовскими огнями. От них разило смертью, но то, что могло послужить роскошным букетом гниения, было оскорбительно очищено магией смерти. Пока армия скелетов безмолвно надвигалась, чтобы окружить процессию Ротигуса, Великий Нечистый опустился под воду и призвал потоп – не с распухшего неба, но из окружившего его болота. Широко разведя свои дряблые руки, он поднял цунами из грязи, которое смело скелетов и отбросило их назад. Ротигус было решил, что с нежитью покончено, но мертвецы поднимались снова и снова, обращая свое оружие против демонов. Наконец, обе армии были вынуждены вступить в жестокую битву на истощение.

Третья армия нежити, наступавшая на Язвы Реальности, вышла из пучин Заднего моря, засоренного телами миксин. Глубоко под водой сонм умертвий на лошадиных остовах, составляющий ударную силу армии, двигался прямо по дну через весь Гастробоминовый Сток. Достигнув пункта сбора – мыса к востоку от Зловещих Чешуек, они двинулись через покрытый галькой берег и, наконец, повернули на север. Из-за этих маневров создавалась видимость того, что армии Маннфреда направлялись сразу в несколько регионов Инвидии.

Хортикулус Слимукс, предвидя вероломную атаку на свои центральные владения, собрал младших Глашатаев, чтобы блокировать дорогу кавалерийским отрядам, продвигавшимся по его землям. Вместе с ним выступили Порчеклятый Писарь по имени Ноддрак Нюхач, а также дурашливый Желчный Волынщик, известный как Гортл Мягкочереп, чьи грубые лимерики так обожали Нурглики Слимукса – да и сам древний садовник был не прочь послушать эти шуточные стишки. Вместе три Глашатая организовали тройную оборону, стену из демонической плоти глубиной в полмили, способную получать практически неограниченные подкрепления из Язв Реальности.

Направленные против них Черные Рыцари с разбега врезались в практически неподвижную стену из Чумоносцев, их копья пробивали грудные клетки и опухшие животы прежде, чем всадников успевали выбить из седел их костяных жеребцов. В считанные часы мертвецы были полностью уничтожены. Однако, выиграв время для Маннфреда, они тоже справились со своей задачей.

Из зелени они пришли

Ритуал Маннфреда прошел без помех, страшная жертва болотных племен, поклонявшихся Нурглу, заряжала воздух, насыщая Кровоточащие врата энергиями смерти. Врата Владений начали разрушаться, и по срединным угольям Земель Вечной Весны разлилась волна некромантической энергии. Но не только силы Нургла стремились предотвратить эту новую угрозу. С запада к Кровоточащим вратам шествовала куда более агрессивная сила.

Сильванеты Гирана невероятно чувствительны к потокам жизни и смерти в своем родном владении, но даже их связь меркнет по сравнению с тем, что испытывает Вечная Королева Аларизэль. Эмоционально она привыкла к болезнетворному воздействию Нургла на ее земли; когда-то оно повергало ее в отчаяние, но сейчас вызывало лишь гнев. Теперь же в песне духов земли заиграли новые ноты. То разливалась заунывная панихида, и

на этот раз печальный тон ее был созвучен не с цикличной извращенной пародией на естественный порядок, которой являлся Нургл, но с силами самой Смерти. Земли Инвидии долгое время несли на себе бремя скверны Слимукса, но теперь что-то стремилось лишить их всякой жизни, будь она естественна или порочна. Если не противостоять этой силе, она распространится по всем Землям Вечной Весны и за их пределами.

Этого Аларизель допустить не могла. Она почувствовала, что за всеми этими событиями стоит Великий Некромант, что его холодная хватка сжимается все крепче; ему это было вполне по силам, хотя Нагаш и действовал через одного из своих марионеточных Мортархов. Более того, он прислал самого Маннфреда фон Карштайна, коварного вампира, которого Аларизель ненавидела больше, чем любого другого слугу Нагаша.

В сумеречные годы Мира-что-Был Маннфред пленил альвийскую принцессу Алиатру. Дочь Аларизель и Тириона – которые сейчас стали богами, но были любовниками в земной жизни – была могущественным существом. В плену ее кровь использовалась для усиления темного ритуала, который проводил Маннфред, чтобы пробудить Нагаша от его долгого сна. Тысячелетия спустя Аларизель вдруг осознала, что тот же самый вампир проводит еще один ритуал в землях, которые некогда она нарекла своим домом. Ритуал, усиленный ко всему прочему энергией массового жертвоприношения.

Духовные пути сильванетов пролегают через мистические вены самой земли, и это особенно верно в отношении Гирана. Настроившись на песнь земли, Вечная Королева, окруженная своими призрачными последователями, ступила в волшебную долину Вердии и переместилась во все еще цветущие земли Заявления Принца – территории к северу от Менуэтских рек, что до сих пор остались незапятнанными порчей Слимукса и его прихвостней. Она устремилась на юг, взмахом руки разделив воды, что преграждали ей путь. Все, что стояло у нее на пути, было безжалостно уничтожено ее свитой Древесных Владык. В этот день Аларизель взращивала гнев природы, ничего не отдавая взамен.

Когда силы сильванетов перебрались через русло Менуэтских рек и ударили по Зверям Нургла, рыщущим вдоль берегов, Маннфред, чьи силы были задействованы на юге, в тройной атаке и медленно теснились Ротигусом, Слимуксом и ордой бесчисленных демонов, столкнулся с перспективой войны на два фронта.

Менее чем за час войны покрылись черно-зеленой грязью; Охотники Курнота боролись с извивающимися, похожими на слизней,

демоническими тварями, которые исторгали из себя ихор всякий раз, когда дубовые когти рассекали их шкуры. Исключением была лишь Аларизель, унесшаяся ввысь на своих листовенных крыльях, в то время как ее жук-воитель обернулся сонмом светлячков, который закружил вокруг нее. Везде, куда ни падал ее взгляд, расцветала настоящая жизнь, а влияние Нургла исчезало. Те смертные из болотных племен, что не были захвачены Маннфредом, обрушились на фланги сильванетов с впечатляющим рвением, ибо ступающие по земле демоны были самым явным символом благосклонности Нургла, на который они могли рассчитывать. В сердце Аларизель не было места для жалости к этим испорченным Хаосом дуракам. Она взмахнула своим наполовину дубовым когтем, и один за другим варвары болотных племен превратились в деревья – их конечности оборачивались ветками и корнями до тех пор, пока целая роща не выросла там, где несколько мгновений назад стоял отряд воинов.

Через оскверненную чашу и лес с почерневшим сердцем Аларизель прокладывала свой путь очищения, порочная магия Нургла отступала перед силой ее гнева. Там, где демоны сбивались в стаи, чтобы остановить ее, Вечная Королева опыляла землю волшебной пылью, которая обращалась вопящими Дриадами, разрывающими плоть нурглигов-пехотинцев, словно высушенный пергамент. Тем не менее, большую часть своей ярости она оставила для сил нежити.

Видя, как свет Вечной Королевы подбирается все ближе, Маннфред послал против нее лорда-вампира Гаратрака Гончую Черепа. Он не рассчитывал на то, что военачальник Сквернодушия одолеет Вечную Королеву, хотя ранее Гаратрак хвалился, что власть над тремя зомбидраконами сделала его подобным богу войны – утверждение, которое вскоре окажется ложью. Когда Аларизель обрушила свою ярость на Гаратрака и его неживых змеев, Маннфред, не подходя слишком близко, атаковал ее своей темной магией. Крылья Вечной Королевы почернели, а кожа иссохла, однако через мгновение богиня жизни вернулась к своему изначальному облику. Тем временем первая крылатая тварь Гаратрака оказалась насаженной на рога жука-воителя Аларизель; второго поразило Копье Курнота, обратившее его в стаю мотыльков, улетевшую в ночь; последний же, на котором восседал сам Гаратрак, был опутан ветвями деревьев, которые внезапно ожили и в своей слепой ярости разорвали как дракона, так и его всадника. словно в знак окончательного разгрома Маннфреда, на горизонте замаячили воинства Хортикулуса. Ритуал Маннфреда был разрушен магией Аларизель, впрочем, как он того и ожидал. Издевательски поклонившись богине жизни, Мортарх отступил через Кровоточащие врата, оставив свои силы прикрывать побег.